

История философии

80 Философия языка

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа

Начиная с позитивизма с его философией идеального языка, а также развития философии обыденного языка в 1940-х и 50-х годах, о которых мы говорим в связи с философией религии и этики, более поздние разработки в философии языка включают в себя развитие метафизики, онтологии. Это не должно вызывать большого удивления, если учесть, что категории мышления, категории бытия для Аристотеля, для Гегеля, и что в этом смысле логические категории, очевидные в языке, связаны с онтологией.

И особенно когда мы говорим о закате логического позитивизма и о том, как его редукционистский взгляд на язык устранил метафизику, понятно, что новые взгляды на язык открыли путь метафизике. И если вы хотите получить представление об этом, одним из полезных источников может стать книга Джона Пассмора, опубликованная, кажется, шесть лет назад. Книга Джона Пассмора «Recent» (не «Recent Philosophy», а «Recent Philosophers, Recent Philosophers») содержит полезное резюме подобного рода вещей, хотя и далеко не полное.

Теперь я хочу разделить то, что я хочу здесь рассмотреть, на три темы, все три из которых звучат как темы метафизики, посвященные онтологии. И действительно, так оно и есть. Первая связана с логическими сущностями.

Помимо физических сущностей и психических состояний, существует ли третий тип объектов, логические объекты, неизменные по своей природе? Это аналогично вопросу о существовании реальных универсалий, за исключением того, что иногда он задается в терминах сущностей, а иногда — в терминах логических объектов, логических сущностей. Как же возникает подобный вопрос в связи с языком? И нам нужно вернуться к Фреге, который в начале этого века оказал значительное влияние. Он умер в 1925 году.

Фреге различал смысл и референцию в контексте языка. Иными словами, предложение может содержать и смысл, и референцию. При этом референция, конечно же, указывает на то, о чём идёт речь.

Если это утверждение, касающееся чувственных данных, то речь идёт о чувственных данных. Если это утверждение, касающееся материальных объектов, то речь идёт о материальных объектах. Если утверждение касается Бога, то в качестве ссылки будет использоваться Бог, ссылка в этом смысле.

Но слово «смысл», смысл предложения, связано с его логическим значением. Иными словами, предложение обозначает утверждение, которое представляет собой не просто предложение, утверждение, а объективное положение дел, о котором можно говорить в самых разных предложениях: на английском, французском, немецком, голландском, японском и так далее. Таким образом, утверждение — это логическое положение дел, то есть смысл предложения.

И, конечно же, такое логическое положение дел может относиться к таким вещам, как сенсорные данные, материальные объекты и так далее. Поэтому это различие становится важным. Например, у вас может быть собственное имя, смысл которого, значение которого могут быть очень значимыми.

Вас назвали в честь кого-то, это слово имеет множество коннотаций, и в то же время смысл собственного имени следует отличать от его значения. Оно относится к вам как к личности, получившей это имя. Имя, смысл, отсылка к личности.

Или, возможно, вы имеете в виду какой-то другой абстрактный термин, какой-то общий термин, смысл которого связан с понятием, будь то универсальное или общее понятие. Понятно? И речь идёт о целом наборе индивидов, целом классе индивидов. Возможно, речь идёт о реальных универсалиях.

Итак, давайте разграничим смысл и референцию. Иногда мы различаем их, говоря о смысле как об интенциональном значении, а о референции как об экстенциональном значении. Экстенциональное значение — да, мы используем термин «экстенсия» в логике, не так ли? Экстенсия существительного, как она используется в предложении, «все люди смертны» — это вселенская экстенсия, а «некоторые люди» — это конкретная экстенсия, связанная с референцией.

Намерение связано со смыслом. Однако Карл Поппер различает не только эти два мира — смысл и референцию, — но и третий мир. Иными словами, помимо физических объектов, на которые может ссылаться предложение, на интенциональном уровне задействованы две вещи.

Прежде всего, существуют психические состояния. То, что происходит в вашем уме, психическое состояние, которое можно эмпирически описать с помощью идей рефлексии, этих субъективных условий. Затем он различает логические объекты этого психического состояния.

Таким образом, вы можете мыслить в терминах некоторого логически объективного положения дел, которое является мыслью, а не видимым, даже если то, о чем вы думаете в этом логическом положении дел, относится к чему-то другому. Классический случай — это когда речь идет об универсалиях. В этом случае ваше ментальное состояние связано с определенными словами, которые

являются носителями логического объекта, который представляет собой универсалию, реальную универсальную сущность, объективное положение дел, которое неизменно остается тем, чем оно является.

А всегда есть А, и так далее. Логический объект отличается от объекта. Поэтому, даже если взять язык и психические состояния, которые мы имеем, которые мы переживаем, логический объект — это физический объект.

Логическим объектом будет сущность человеческой природы. Физическим объектом — люди. Таким образом, логические объекты, логические сущности, рассматриваются именно в этом контексте.

Как вы можете себе представить, это представление о логических объектах, на которое Фреге и Поппер дают утвердительный ответ, будет оспорено любым, кто придерживается ярко выраженного эмпирического подхода. И именно так обстоит дело с У. В. О'Куайном, который подверг его сомнению в своем эссе под названием «Логика без онтологии».

Видите ли, его точка зрения заключается в том, что логика не нуждается в этом интенциональном объекте. Язык не нуждается в этом интенциональном объекте. Это логически объективное положение дел, которое не может быть иным, не нуждается в сущностях, не нуждается в универсалиях.

Языку нужны лишь предикаты и квалификаторы. Предикаты и квалификаторы. Предикаты, имеющие эмпирическую отсылку, и квалификаторы, выполняющие формальные функции.

Итак, если мы хотим просто сказать, что некоторые люди смертны, то, говоря о некоторых людях, мы имеем в виду определенные эмпирические сущности, физические сущности. Смертность — это эмпирическое свойство, приписываемое некоторым людям. «Некоторые» — это просто логическое определение.

Понимаете, нам нужны лишь подобные вещи. И он тут же указывает, что мы можем, следовательно, формулировать подобные утверждения логическими терминами, используя символику идеального языка. Существуют некие x , такие что x — человек, а x — смертный.

Некоторые люди смертны. Хорошо. А если вы хотите сделать так, чтобы всё было ясно, просто считайте, что для всех x справедливо утверждение: если x — человек, то x — смертен.

Таким образом, вы можете просто играть с логическими определениями, как это делается в формальной логике, и терминами, имеющими эмпирическую

отсылку. Теперь, что Койн пытается сказать, и он очень четко это дает, так это то, что значения являются функциями языка, а не психических состояний. Вопрос, когда что-то произносится, заключается не в том, о чем вы думаете, а в том, на что вы ссылаетесь? О чем вы говорите, понимаете? Он рассматривает язык, то есть язык, как вербальное поведение, своего рода явное физическое поведение.

Его интересует мышление лишь постольку, поскольку оно выражается в символике языка. Мышление — это не психологическая деятельность. Оно уникально тем, что представляет собой вербальное поведение.

Не обязательно произносить это вслух. Нужно сформулировать это в уме. Языковые символы, языковое поведение.

Таким образом, универсальные термины, такие как округлость, человечность, — это не названия сущностей, логических объектов. Это просто термины, обозначающие любой элемент целого множества подобных частных. Он — убежденный номиналист.

Он использует замысловатое слово «син- категор - матический». Существуют некоторые син- категор - матические термины, эти универсальные, логически универсальные слова, такие как «округлость» и «человечность». Раньше их называли универсальными терминами.

Он просто хочет сказать, что мы используем эти термины, чтобы говорить обо всех членах категории вместе. Син- категор - матический, вот и всё. Но что такое набор подобных вещей, если не просто классификация, которую мы создаём с помощью нашего языка? Именно язык классифицирует подобные вещи, так что мы организуем наши миры посредством используемого нами языка.

Множества, категории вещей, не обладают реальными сущностями в общих логических объектах. Это всего лишь эмпирические сходства, которые мы объединяем в этой синкатегориальной терминологии. Таким образом, что касается монет, то реальных универсалий не существует.

Теперь позвольте мне добавить к обсуждению логических сущностей имя Николаса Волтерсторфа, который включился в эту дискуссию с книгой «Об универсалиях», опубликованной в конце 70-х годов издательством Чикагского университета. Волтерсторф, и, кстати, его книга, после выхода в свет была признана, возможно, лучшей книгой по теории универсалий в XX веке, и, безусловно, укрепила его профессиональную репутацию в этой аналитической области. Но он говорит об универсалиях как о возможных вариантах.

Возможные варианты. Иными словами, неизменные логические возможности, которые объективно реальны в том смысле, что они не могут быть чем-то иным, чем то, чем они являются. Они подчиняются закону тождества.

Он утверждает, что помимо реальных физических сущностей, возможно, и любых материальных, помимо реальных сущностей, этот мир и любой возможный мир устроен так, что логически возможны лишь определённые виды вещей. Кошка не может быть не кошкой. Это подразумевает существование логической сущности, которая не может быть чем-то иным, чем она есть.

Таким образом, он пытается вновь поднять дискуссию об универсалиях как о сфере возможностей. Однажды, обсуждая это, я сказал ему: « Ты...» Вы имеете в виду, что под возможностями вы подразумеваете объективные логические возможности ? Что существуют объективные логические возможности, так что не всё возможно, но определённый диапазон вещей возможен, и лишь некоторые из них реализованы в этом мире. И он сказал именно это.

Итак, откуда он взялся в этом отношении? Он защитил докторскую диссертацию по Уайтхеду, по его метафизике. И то, что он делает, — это, по сути, отталкивается от терминологии Уайтхеда, где эти логические возможности рассматриваются как вечные объекты, отличные от реальных сущностей пространственно-временного мира. Он не является последователем Уайтхеда, но он подхватывает понятие универсалий в терминах Уайтхеда из-за радикального отличия от платонизма.

Видите ли, у Платона и платонизма наиболее реальными вещами были универсалии , а частности, если использовать метафору Платона, были тенями. Они были образами, понимаете. Теперь же Вальтерсдорф утверждает, что частности — это реальные сущности, независимо существующие реальные вещи в этом смысле.

Универсалии — это не объективные сущности, как у Платона, а объективные логические возможности, понимаете. И эти реальные сущности воплощают некоторые из этих возможностей. Все мы здесь воплощаем логическую возможность человечности по-своему.

Таким образом, он утверждает, что существуют логические возможности, область возможностей, которые в данном контексте являются скорее логическими, чем физическими сущностями. Теперь позвольте мне добавить примечание о том, что это связывает... В эстетическую теорию Вальтерсдорфа. За несколько лет до выхода его книги об универсалиях появилась книга по эстетической теории, которую он, насколько я помню, назвал «Произведения и миры искусства», в которой он пытался разработать онтологию, лежащую в

основе представления о существовании объективных эстетических ценностей универсального рода.

Если вы видели его более короткую и популярную работу под названием «Искусство как действие», которая используется в курсе «Философия искусств», то, возможно, помните, что он доказывает это, указывая на то, что похожие ассоциации с одними и теми же звуками существуют в самых разных языках. Я видел, как он делал это на лекциях по эстетике, играя в пинг-понг. Что из перечисленного — пинг? Изящная девушка.

Шумный мальчик. Что такое пинг? А что такое понг? Ну, изящная девочка — это пинг, а шумный мальчик — это понг. И он будет приводить множество подобных примеров, чтобы проиллюстрировать свою мысль.

Схожие ассоциации со схожими звуками. И его утверждение о межкультурном характере подкрепляется исследованиями в данной области. Его точка зрения заключается в том, что существуют объективные основания для определенных эстетических ассоциаций и качеств.

Когда я читал его книгу об универсалиях, я сказал ему (это был разговор за завтраком в ресторане Cornerspot здесь, на пересечении улиц Уэсли и Хейл): «Скажите мне, ваша эстетическая теория связана с вашей теорией универсалий, теорией логических возможностей, если быть точным». Так вот, он использует это в своей эстетической теории. А ещё он использует это в своей доктрине творения.

Из всего многообразия логических возможностей для любого возможного мира Бог свободно выбирает те, которые Он желает воплотить в жизнь. И так далее. И Он рассматривает это в книге об универсалиях.

Таким образом, перед нами дискуссия о логических сущностях, которая переходит в обсуждение универсалий и реальных сущностей. Имейте это в виду. Теперь, второй вопрос, который возникает в связи с философией языка, — это вопрос реализма и антиреализма, о котором мы упоминали в эпистемологии.

Отправной точкой здесь являются работы французских лингвистических структуралистов. Несколько слов о термине «структурализм»: структурализм используется в антропологии, в психологии и в лингвистике. В психологии, я думаю, справедливо будет сказать, что Пиаже, франко-швейцарский психолог, выделяет определенные предопределенные стадии когнитивного развития, через которые проходит человеческий разум в процессе постепенного роста и созревания.

Похоже, это связано с развитием мозга. Таким образом, у него есть, если хотите, — это вряд ли можно назвать априорным, но это своего рода априорная, заранее установленная структура когнитивного развития. А если посмотреть на Хомского, то у него есть структурализм в лингвистике.

Аналогичным образом, де Соссюр рассуждает о языке, но с одной своеобразной особенностью, оказавшей большое влияние. По мнению де Соссюра, язык состоит из произвольно присвоенных слов, которые являются знаками, отсылающими к эмпирическим объектам. Эти произвольно присвоенные термины взаимосвязаны друг с другом.

Суть в том, что в результате возникает множество различных языков, не только из-за различий в словах, но и из-за различий во взаимоотношениях между словами. Мы сами структурируем свои языки. И, следовательно, мы структурируем свои собственные миры опыта и наделяем их тем структурированным смыслом, который, как нам кажется, они имеют.

Таким образом, структурируя язык науки так, как это сделали позитивисты, они создали мир, организованный мир позитивистского опыта. Они, так сказать, предоставили лингвистические очки, через которые позитивисты могли видеть этот мир и видеть его только таким образом. Здесь нет фиксированных значений, универсальных понятий или логических сущностей, на которые можно было бы ссылаться.

Существуют лишь отдельные аспекты чувственного опыта, организованные различными способами посредством используемого нами языка. В этом, если хотите, можно увидеть неокантианскую направленность. Это не Кант в смысле универсальной системы координат.

Это не Кант в смысле концептуальной сетки. Но это кантовский подход в смысле существования лингвистической сетки, сетки языковой структуры, которую мы, так сказать, априори накладываем на реальное восприятие. В результате способ восприятия мира одним языком будет отличаться от способа восприятия мира другим.

Существует относительность различных конструкций, и ни одна из них не может считаться идентичной реальному миру. В итоге это сводится к тому, что, поскольку наш язык структурирует мир опыта, мы не познаем реальность саму по себе. Результатом является антиреализм.

Именно такой структурализм послужил отправной точкой для развития философии языка и лингвистической теории в Европе, в феноменологической традиции, а в нашей стране — в аналитической философии. В Европе именно из такого контекста происходит Деррида, деконструктивист. Что такое

деконструкция? Это разрушение того, что, по мнению структуралистов, мы структурировали.

Видите ли, Деррида, деконструктивист, пытается деконструировать словесные схемы, которые выстраивает писатель, чтобы показать, что они на самом деле не работают полностью, или что существует множество языков, которые функционируют непоследовательно. Именно наш язык доминирует в нашем мире опыта и мешает нам видеть его и говорить о нем иначе, чем мы могли бы, и поэтому относительность в этом отношении расширяется. Теперь я упомянул имя Хомского, структурного лингвиста.

Разница с Хомским заключается в том, что он гораздо больше придерживается кантовских взглядов, считая, что существует универсальная, глубинная структура, присущая всем языкам. Универсальная глубинная структура в дополнение к этой поверхностной структуре, как он её называет, о которой, кажется, говорил Соссюр. Но деконструктивист не видит глубинной структуры, поэтому всё сводится к поверхностной структуре, к тому, что мы сами создали.

Ну, я думаю, вы поймете, что имеет в виду структуралист, если послушаете, например, как некоторые ваши друзья говорят на языках, отличных от вашего. Музыкант говорит о языке музыки. И если вы внимательно прислушаетесь, я думаю, это подходящая метафора, если вы внимательно прислушаетесь к музыкантам, вы заметите, что в, скажем так, классической музыке существует другой язык, чем в некоторой современной музыке.

Вы скажете, что это разные языки. То же самое верно и для науки: разные языки — аристотелевская наука, ньютоновская и так далее. Такого рода изменчивость подхватила в аналитической традиции Нельсон Гудман.

Нельсон Гудман, который, да, является номиналистом в традиции Куайна, включает эту идею структурирования наших миров опыта в философию науки. Таким образом, наука просто имеет дело с языковыми конструкциями. Научная теория — это всего лишь язык.

В этом нет ничего нового. Мы слышали, как Эрнст Маркс говорил об этом. Когда Маркс говорил, что научная теория — это всего лишь экономичный способ описания взаимосвязей между чувственными данными, экономичный способ.

Ну, существуют различные экономичные способы это сделать. Поэтому могут существовать различные научные языки и альтернативные научные теории. Вы сами увидите.

И эти альтернативные научные языки не являются взаимопереводимыми. Они не являются взаимопереводимыми. Или, используя технический термин, они несоизмеримы.

Нельзя сравнивать один с другим. Это несоизмеримые языки. И все же они одинаково здравы, одинаково жизнеспособны.

Здесь прослеживается некоторое влияние Томаса Куна с его концепцией научных революций. Вы увидите. Кун, который осознал, что с изменением парадигмы, как сказал бы Гудман, появляется новый язык, новый способ структурирования вещей.

Эти альтернативные научные языки возникают потому, что можно связывать чувственные качества разными способами. Знаете, эти головоломки типа «следуй за точками, следуй за цифрами», где нужно обвести числа от 1 до 103 и получить изображение какого-нибудь животного, которое ты таким образом изобразил. Это как если бы наука занималась чем-то подобным, только числа не заданы.

Таким образом, их можно связывать самыми разными способами и осмысливать общую картину. Предлагаются альтернативные способы структурирования. В результате наши теории и общие концепции в науке становятся символами, а не описаниями.

Это скорее символы, чем художественные символы. И Нельсон Гудман писал об эстетической теории. В эстетической теории он рассматривает произведение искусства как творческий язык, структурирующий определенные вещи, понимаете?

Миры искусства и науки создаются подобным образом. Что ж, скажете вы, результатом будет то, что он станет релятивистом и феноменологом. Да, именно так.

У него феноменальный взгляд на науку. На самом деле не существует истинной теории. Можно принять картинку за верную.

Можно считать правильными несколько изображений. Можно соединять точки разными способами. Правильное научное изображение — это то, которое охватывает весь объем данных.

Оно обладает достаточным охватом. Оно последовательно. Оно логически непротиворечиво и представляет собой единое целое.

Это позволяет говорить о данных простым, а не излишне сложным языком, — принцип экономии. И из них можно делать выводы, которые могут быть полезны для дальнейших гипотез и экспериментов. Такова его философия науки.

Теперь же, человеком, который в философии науки вывел её на релятивистский уровень, является Фейерабенд, который гораздо меньше склонен говорить о правильной картине или картинах и очень прямолинейно говорит об относительности всего научного знания. И этот антиреализм в философии науки — одна из вещей, которая питает постмодернизм Ричарда Рорти в его теперь уже знаменитой книге «Философия и зеркало природы».

Зеркало, как вы помните, — это субъективные идеи в сознании, о которых говорит Джон Локк, репрезентативные. И он настаивает на несостоятельности этой репрезентативной теории познания и связанного с ней фундаментализма. Относительность всех наших структур идей, сложных понятий и научных теорий, так что он рассматривает философию не как средство получения доступа к истине о вещах самих по себе, а как просто диалог, имеющий прагматическую ценность.

Но на самом деле нет никакой взаимопереводимости различных языков и структур. Ричард Рорти. Ну, в отличие от, скажем так, в отличие от Нельсона Гудмана — это работа Хилари Патнэма из Гарварда.

Хилари Патнэм, который охотно признает, что альтернативные конструкции, безусловно, возможны и что научные теории, конечно же, подлежат пересмотру. Другими словами, он отвергает фундаментализм. Но он по-прежнему хочет, чтобы к научным теориям относились реалистично.

И он настаивает на том, что наши конструкции — это не просто общепринятые способы общения. Он хочет быть реалистом. Как же он это обосновывает? Он обосновывает это тем, что у нас есть твердые знания о некоторых наблюдениях и материальных объектах.

Существуют наблюдения и материальные объекты, которые известны с достаточной точностью. Другими словами, имеются заданные данные. И в их число он включает такие вещи, как электроны, силовые поля и пространственные величины.

Понятно? Это те вещи, которые наблюдают и измеряют все ученые, независимо от их теоретических построений. Поэтому создаваемые нами рамки, теоретические структуры, могут быть предварительными, но они призваны отражать реальность. Предварительный реализм Уайтхеда в отношении науки.

Патнэм хочет, чтобы к науке относились реалистично, хотя и в предварительной форме. В рамках этих известных точек отсчета, о которых он говорит, рассматриваются не только электроны и силовые поля, но и некоторые природные явления. Определенные природные явления.

Иными словами, существуют объективные классификации. Классификация — это не просто структурирование чего-либо с помощью нашего языка. Существуют объективные категории вещей.

Объективные виды. Виды, если хотите. И существуют общие законы, которые мы признаем независимо от языка.

В этом смысле существуют логические сущности. Существуют логические объекты. Объекты мышления, а не просто конкретные данные.

Существуют объекты мысли. Универсалии, если хотите. Сущности.

Естественные виды. Таким образом, Патнэм оказывается реалистом в науке, но также и реалистом в отношении некоторых классификаций. Определенных общих принципов.

А также о публично признанных конкретных наблюдениях . Это не вся наша структура. Итак, реализм против антиреализма.

Хорошо? Это второй вопрос. Как дела? Готовы к третьему? Хорошо, я использовал термин «возможные миры». Возможные миры.

Это связано с двумя соображениями, с которыми мы уже столкнулись. Во-первых, существуют альтернативные способы, с помощью которых мы, используя наш язык, можем структурировать опыт. Таким образом, могут существовать возможные миры в том смысле, в каком мы их структурируем.

Существуют и другие возможные миры, помимо этого. Но, во-вторых, это то, что возникает в результате теории логических сущностей, которая признает, что не все логические возможности реализуются в этом пространственно-временном мире. Например, теория универсалий Вольтерсторфа признает, что существует множество других логически возможных миров, помимо этого.

Существуют логические возможности, которые еще не реализованы. И в этом смысле среди логических объектов мышления находятся другие возможные миры. Понимаете ? Потому что если существуют объективные, логические возможности, то существуют и другие объективные, логически возможные миры, помимо этого, которые уже реализованы.

Например, миры, в которых у каждого из нас было три половинки. Или миры, в которых мой первый ребенок был девочкой. Это был бы совсем другой мир, нежели этот.

Другие возможные миры с незначительными отклонениями от этого, с существенными отклонениями от этого, всех видов. Логически возможные миры. Таким образом, тот факт, что вещи могут быть иными, чем они есть, будь то в силу нашего языка или в силу области логически возможных вариантов, открыл дискуссию о языке возможных миров и онтологии возможных миров.

Онтология возможных миров. Первым здесь подхватит Нельсон Гудман. И вы уже можете догадаться, что он собирается сказать.

Я представил его, сказав, что он хочет логики без онтологии. Ему не нужны логические сущности. Он видит нас как людей, структурирующих собственные миры.

Таким образом, для Нельсона Гудмана язык возможных миров — это всего лишь словесный приём. Это семантическая уловка. Все возможные миры — это просто лингвистические конструкции, где конкретными точками отсчёта являются вещи, которые мы все переживаем или могли бы пережить.

Например, мой первый ребенок — девочка. В этом смысле другой возможный мир — это просто гипотетический мир. Это гипотеза о том, каким этот мир мог быть или может стать в будущем.

Таким образом, язык возможных миров — это всего лишь язык эмпирических гипотез и ничего больше. И поэтому он является антиреалистом, когда речь идёт о возможных мирах. Антиреалистом, когда речь идёт о возможных мирах.

С другой стороны, есть английский философ Д. К. Льюис. Д. К. Льюис, который не убежден, что язык других возможных миров сводится к гипотетическим утверждениям об этом реальном мире, если не к просто утверждениям. Или, как их называют в дискуссии, к контрфактическим утверждениям.

Контрфактуалы. В современной философии языка и логике уделяется много внимания логике контрфактуалов. Можно ли адекватно объяснить контрфактуальные утверждения как простые гипотетические утверждения об этом реальном мире? Объяснить их просто как эмпирические гипотезы, которые не будут подтверждены как эмпирически верные? Можно ли их понимать именно так? Или, если они не сводятся к гипотетическим утверждениям, то, кажется, мы Надо признать, что существуют логические объекты, логические сущности объективного рода, о которых мы говорим, когда обсуждаем логические возможности, которые еще не были реализованы.

Аргумент, конечно же, заключается в том, что контрфактические утверждения нельзя свести к упрощенным гипотезам без остатка. Их нельзя перевести без остатка в гипотетические ситуации. А если это невозможно, то нужно быть реалистом в отношении возможных миров.

Но чтобы реалистично оценивать возможные миры, нужно реалистично оценивать логические сущности. И поэтому разворачивается дискуссия о контрфактических рассуждениях, о так называемой трансмировой идентичности. То есть, о том, является ли... Сократ о другом возможном мире, в котором, скажем так, у него не было крючковатого носа, независимо от того, что Сократ останется тем же Сократом.

Теперь вопрос в том, что же составляет суть Сократа? Является ли крючковатый нос неотъемлемой частью его личности? И, конечно, хочется сказать «нет», но, говоря это, вы тем самым признаёте его существование. Таким образом, вопрос о переводимости с одного языка одного возможного мира на другой имеет множество интересных последствий.

Элвин Плендигер в своей книге «Природа необходимости» занимался подобными вопросами и утверждал, что существует логически возможный мир, в котором Бог обязательно существует. Теперь вы увидите, что Плендигер не стремится доказать существование Бога. Он стремится устранить возражения против существования Бога.

И если вы сможете показать, что существует логически возможный мир, в котором Бог обязательно существует, то вы устраните любое возражение. А существование Бога логически возможно. И поэтому его следующий вопрос к возражающему: хорошо, а в чём ваше возражение? Таким образом, это направление, заданное философией языка, и вы можете видеть, как оно открыло практически все традиционные метафизические вопросы.

Удивительное развитие событий. Так что, как я уже говорил, сегодня живы и процветают не только философия религии и этики, но и метафизика. Здесь мне удалось не просто уничтожить её, а отложить её развитие.

Да, кто-то спрашивал. Я как раз собирался спросить вас о том, что Плендигер говорил о том, что существует логически возможный мир, в котором Бог обязательно существует. Да.

Итак, он говорит, что существует какой-то логически возможный мир, или он говорит, что логически возможным миром может быть тот мир, в котором мы живем сейчас? О, конечно, да. Да. Да, но, видите ли, одно дело — доказать, что что-то логически возможно.

Одно дело — продемонстрировать, что в этом мире всё именно так. Верно. Понимаете?

Считает ли он, что в этом мире Бог обязательно существует? Да. Да, но трудность заключается в переходе от *de dicto* к *de re* необходимости. То есть от того, что необходимо в языке, то есть в языке возможного мира, к тому, что необходимо само по себе.

Видите ли, и можно показать, что в некоторых языках это возможно, это необходимо, но то, что это и есть мир, показать не так-то просто. Трой? Да, меня как раз интересовала эта концепция метафизической возможности. Да.

Ну, то, что метафизически возможно, — это то, что логически возможно. Он не признает этого различия. А какое различие можно провести? Сказать, что это логически возможно, значит сказать, что возражений нет.

Видите ли, здесь нет никаких логических возражений. Это логически возможно. Теперь, возможно ли это на самом деле, если бы мы говорили о жирафе-фее с крыльями бабочки, мы бы сказали, что это логически возможно, но возможно ли это на самом деле с точки зрения причинно-следственной связи? Видите ли, вы бы сказали: ну, я полагаю, что в каком-то возможном мире это причинно возможно.

Вы бы не сказали, что это причинно необходимо в любом возможном мире, потому что конечные вещи не являются причинно необходимыми. Да, сэр? Я больше интересовался вопросом о Боге. Я бы сказал, что Бог воздерживается от греха или определяет причину.

Хорошо. Возможно ли логически, что Бог мог бы это сделать? Существует ли мир, в котором Бог мог бы согрешить? Верно. Да, и, видите ли, он бы сказал, что это сводится к вопросу о том, оставался бы Бог Богом, если бы он это сделал.

Потому что Бог, по определению в теистических религиях, — это тот, кто всецело благ, понимаете? Другими словами, это сводится к вопросу: обладает ли Бог сущностью? Это название некоторых лекций, которые он читал в Университете Маркетта и которые были опубликованы под этим названием: «Плантинга, обладает ли Бог сущностью?». Теперь, если у Бога есть сущность, то есть вещи, которые Бог не может делать. Бог не может быть Богом.

Нет, Бог не может не быть Богом, понимаете? Бог не может не быть Богом. Если совершенная доброта — это сущность Бога, и если грех — это несовершенство, то Бог не может грешить, понимаете?

Итак, мы снова возвращаемся к вопросу о сущности. Теперь, если вы скажете: «Конечно, Бог может грешить, у Бога нет сущности», — то что вы имеете в виду? Вы утверждаете, что слово «Бог» — это произвольно присвоенное имя определённой сущности, и в этом случае, видите ли, вы могли бы с таким же успехом называть Бога не Богом со всем сопутствующим концептуальным багажом, а каким-нибудь совершенно другим именем. Понимаете, если имя «Бог» — это просто произвольный знак, не имеющий никакого концептуального содержания, никакого интенционального значения, а также экстенциональной отсылки, понимаете, если слово «Бог» имеет только экстенциональную отсылку и не имеет интенционального смысла, понимаете, тогда вы можете заставить Бога делать что угодно.

Но если слово «Бог» имеет и интенциональное значение, то даже Бог не может не быть Богом. Есть ли вещи, которые Бог не может сделать? Да, Он не может не быть Богом. Теперь, знаете, если вы хотите сказать: «О, это подчинение Бога законам логики».

Нет, речь идёт о том, что Бог — это существо, законы логики — это законы бытия, в конечном счёте — законы Бога, потому что это законы бытия. Бог — высшее существо, создатель всех других существ, поэтому законы бытия — это законы Бога. Таким образом, в этом смысле каждое существо обладает по крайней мере некоторой сущностью, сущностью бытия, которая заключается в том, чтобы быть и не быть.

Похоже, у нас снова закончилось время.